

Academia. Архитектура и строительство, № 2, стр. 187–190.
Academia. Architecture and Construction, no. 2, pp. 187–190.

События
Рецензия

DOI: 10.22337/2077-9038-2024-2-187-190

Илья Георгиевич Лежава. Новый элемент мышления

Копылова Лариса Васильевна (Москва). Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 21. РАЖВиЗ Ильи Глазунова). Эл.почта: kopylova-lv@glazunov-academy.ru

Лежава И. Что такое архитектура / Предисловие М. Нащокиной ; послесловие А. Бокова, А. Гутновой, А. Скокана. – Екатеринбург : TATLIN, 2023. – 216 с. ISBN: 978-5-00075-340-8

Вышла книга Ильи Лежавы (1935–2018) «Что такое архитектура». Илья Георгиевич Лежава – человек-легенда, советский и российский архитектор, доктор архитектуры и заслуженный архитектор Российской Федерации, один из лидеров знаменитой группы НЭР, один из основоположников бумажной архитектуры, руководитель множества студенческих проектов, победивших в международных конкурсах. Книга состоит из большого теоретического текста о важнейших понятиях архитектуры, написанного Ильёй Георгиевичем с исповедальной интонацией, без оглядки на коллег и обстоятельства, без вуали наукообразных фраз, – текста, прозрачного по форме и глубокого по содержанию. Его дополняют разделы о Ле Корбюзье и Мисе ван дер Роэ и раздел о городе будущего, остроумный и парадоксальный, связанный с делом жизни автора – градостроительным проектом НЭР (Новый элемент расселения). Завершается книга беседой о Лежаве

его друзей и коллег – Андрея Бокова, Александра Скокана, Александры Гутновой.

История издания примечательна. Как пишет автор предисловия, доктор искусствоведения и академик РААСН, заслуженный архитектор Российской Федерации Мария Нащокина: «Судьба рукописи необычна – летом 2018 года её прислал мне сам автор, чтобы я прочитала и сказала, как читается и стоит ли публиковать. Для меня было большой честью увидеть книгу любимого учителя, ведь я училась в его группе на факультете «Градо» с 1973 по 1975 год <...> «Глотнув» текст, я почти сразу перезвонила ему со словами, что всё им написанное невероятно важно и интересно <...> Увы, в сентябре того же года Ильи Георгиевича не стало» (с. 9¹). Рукопись прошла через много мытарств, прежде чем летом 2023 года М.В. Нащокина рассказала о ней архитекторам Андрею Бокову и Александру Скокану – руководителю бюро «Остоженка», и они в течение нескольких минут решили сами издать книгу своего друга. И вот она вышла в издательстве «Татлин».

Портрет героя книги – исполнинской фигуры в истории советской и российской архитектуры, нарисован сначала в предисловии М.В. Нащокиной. «Илья Георгиевич – коренной москвич грузинского происхождения. Родители: отец – Георгий Ильич Лежава – автор Дома правительства Грузинской ССР, с 1930-х годов – сотрудник московских проектных архитектурных мастерских Алексея Щусева и Виктора Кокорина; мать – грузинская княжна Мария Ильинична Джандиери, архитектор и историк архитектуры Грузии» (с. 9), – сообщает М.В. Нащокина и даёт исчерпывающую характеристику роли Лежавы: «С 1970-х годов имя Лежавы было известно всем студентам МАРХИ. Кафедра «Градо», где с 1962 года работал Илья Георгиевич, была тогда своеобразным архитектурным и интеллектуальным Олимпом – здесь работал целая плеяда талантливейших людей, рождались новые идеи, образы ре-

© Копылова Л.В., 2024.

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

конструированных исторических и новых городов, фантастических и реальных. С его лёгкой руки и под его руководством в те годы проекты советских студентов стали участвовать в престижных международных конкурсах (Бельгия, Голландия, Франция, Япония) и получать премии, немислимые в предшествующие десятилетия. Было завоёвано более пятидесяти премий, девять из них – первые!» (с. 10).

Это парадный портрет с высокой степенью обобщения. Говоря о Лежаве, М.В. Нащокина отмечает: «Он оставался в чём-то главным закрытым и недосыгаемым. Недаром в одном из институтских коллажей 2000-х годов он предстал в облике мудрого и благородного урбинского герцога Федерико да Монтефельтро» (с. 11) с портрета Пьеро делла Франческо. Этот вывод подводит, собственно, к тексту книги, дающему доступ в интеллектуальную лабораторию архитектора. Но прежде ещё несколько слов о главном герое.

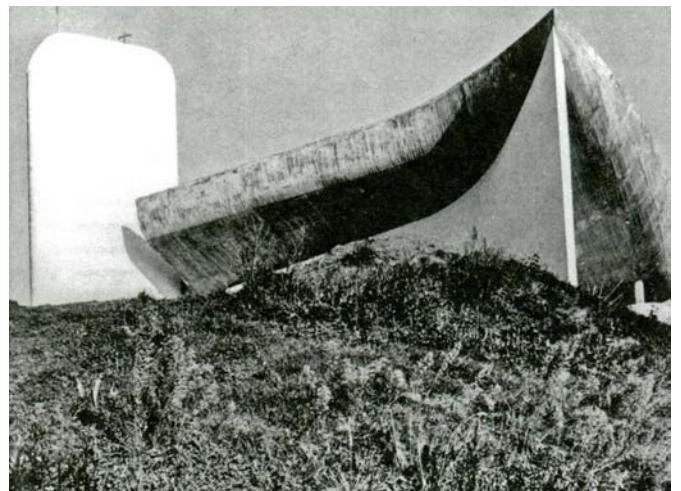
От предисловия арка перекинута к разговору друзей в конце книги, где портрет Ильи Георгиевича Лежавы уточняется в живых воспоминаниях, к нему добавляются порой не парадные штрихи. Так, например, Александр Скокан пишет, что идея НЭР во-многом родилась из привычки Лежавы путешествовать: «Ещё в институте он пропутешествовал по всей Транссибирской магистрали разными диковинными способами, в том числе и на крышах вагонов. И именно тогда, мне кажется, он и понял нашу страну, что это гигантский путь, и именно отсюда пошли НЭРовские русла расселения, в которые впадают всякие более мелкие реки, вокруг всего этого вырастают города-НЭРы – те самые города-корабли <...> Лежава был человеком, чей мозг никогда не отдыхал, постоянно сочиняя и придумывая какие-то идеи, образы, проекты» (с. 198–199).

А.В. Боков отмечает, что «вся школьная фронда Лежавы была реакцией воспитанного мальчика из хорошей семьи на атмосферу московской послевоенной школы. Это было специфическое сочетание борьбы за выживание и следование твёрдым понятиям» (с. 202). Ему вторит архитектор А.А. Гутнова, дочь Алексея Гутнова, одного из лидеров НЭР: «Лежава был очень непослушным. Это относилось и к учёбе. Когда я спрашивала, почему ему, студенту, пришла в голову идея заниматься городом будущего, он всегда начинал свой рассказ так: “Потому что нас ничему не учили...”. И рассказывал про ту эпоху конца 1950-х, когда конструктивистов заклеямили, сталинскую архитектуру возводить уже тоже было нельзя <...> Студентам надо было как-то выкручиваться, и они сами стали придумывать, что делать» (с. 202).

А.В. Боков подчёркивает две идеи, на основе которых Лежава строит будущее: «Первое – это круизные лайнеры, которые он искренне любит <...> Вторая часть будущего описана в замечательном эпизоде про дачи» (с. 200). Все трое соглашаются в том, что «Илья до самого последнего момента не испытывал никакого разочарования в своих юношеских и зрелых идеях. Он до самого конца был убеждён в своей правоте» (с. 210). Наконец, наиболее

Илья Георгиевич Лежава. 1935–2018

Северо-западный угол капеллы

Интерьер капеллы, скамьи и окна южного фасада

глубокий портрет героя лучше всего запечатлён в текстах самого архитектора.

«Существует природа, созданная самим Господом Богом» (с. 15), – так Лежава начинает свою книгу. Выглядит почти как посвящение. Из трёх определений архитектуры (первое – подчинение пространства неким функциям; второе – создание сооружений, содержащих красоту, пользу и прочность; третье – застывшая музыка) Лежава выбирает второе, витрувианское, – самое творческое и здоровое.

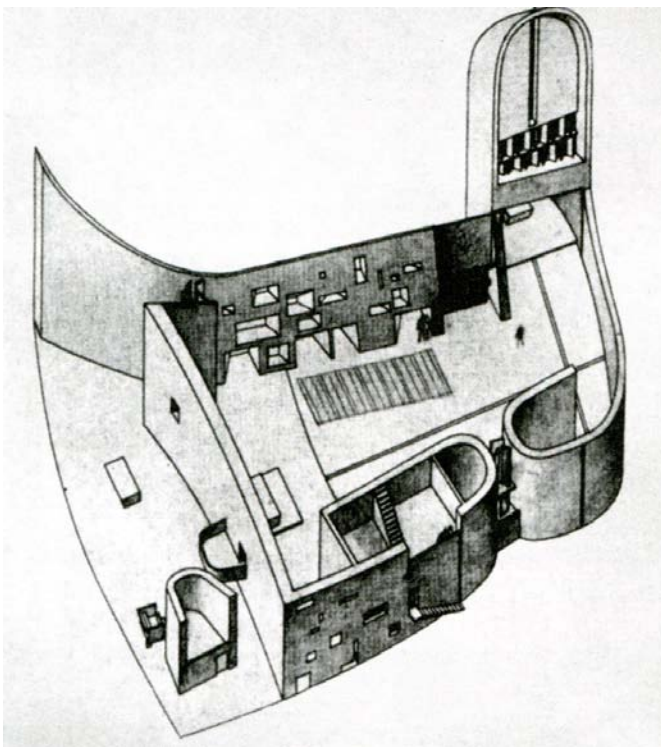
Лежава пишет, как бы ведя диалог с самим собой или с другом, в конечном итоге, приглашая к диалогу читателя. Здесь нет готовых ответов, зато вопросы поставлены фунда-

ментальные. Каждый из них мог бы стать темой конференции или диссертации. Вот, например, раздел о пространственных стереотипах. М.В. Нащокина отмечает важность этой мысли Ильи Георгиевича: «Проектируя, мы, сами того не замечая, пользуемся готовыми пространственными стереотипами. Среди них есть такие, которые находятся в глубинах нашей культуры, а есть, видимо, и такие, которые даны нам свыше» (с. 39). Имеются в виду пять стереотипов: круг, коммуникации, симметрия, координатная сетка, стремление ввысь. Но почему они названы пространственными, а не пространственно-пластическими? Откуда этот крен в сторону пространства в архитектуре XX века? Разве пластика не важна? На эту тему Лежава отвечает в разговоре о преградах: «Проектировщик, регулируя барьеры и степень их проницания, формирует архитектуру» (с. 20).

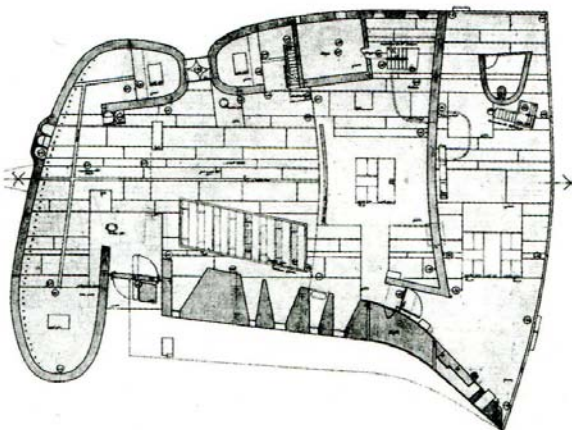
Тут же он поднимает важнейшую проблему архитектуры как языка: «С того момента, как появились преграды, они не только расчленяют пространство, но несут те или иные сообщения <...> Эти сообщения позволяют человеку ориентироваться в построенной среде. То есть облик сооружения выполняет важнейшую социальную функцию распознавания объектов искусственной среды. Это распознавание сродни своеобразной знаковой системе и, мало того, имеет признаки некоего языка <...> Европейец в любой стране распознаёт главную улицу, трущобы, храм, крепость или дворец» (с. 23).

Текст Лежавы страстен и полифоничен. Скажем, извечную тему красоты он разыгрывает совсем не банально. Начиная с известной максимы «красота в глазах смотрящего», Лежава вырывает на очень непростой вопрос о зрителе архитектуры: «Красоте кроется не в объекте, но в субъекте. Следовательно, и описывать красоту мы должны не через устройство сооружения, а через то, как оно воздействует на чувства зрителей, составляющих тот или иной социум» (с. 27). То есть коллективный зритель – это носитель общественного сознания, которое принимает или нет произведение архитектора. Очевидно, что восприятие архитектуры социумом может стать целым направлением в науке, и эта линия сейчас развивается в нейропсихологии, антропологии и социологии.

Дальше Лежава сетует: «Но до сих пор ни форма подобного описания, ни его терминология в достаточной степени не разработаны <...> Даже такое распространённое понятие как композиция до сих пор в достаточной мере не определена <...> К сожалению, в архитектуре не выработан в полной мере композиционный язык. Хотя, отметим, что в литературе поэтика давно отделена от грамматики» (с. 28). Здесь я позволю себе не согласиться с Ильёй Георгиевичем. Анализ композиции и поэтики в отечественном и зарубежном искусствоведении и философии разработан довольно подробно, по крайней мере, в немецкой традиции – от Гегеля до Зедльмайра. Другое дело, что искусствознание пребывает в наше время, начиная с эпохи постнеклассической философии,

Аксонометрия первого уровня капеллы в Роншане

План первого уровня капеллы в Роншане

в смятении и субъективизме. Поэтому призыв профессора Лежавы разрабатывать новую теорию архитектурных форм и пространств, новую терминологию и новый язык описания остаётся актуальным.

Один из лейтмотивов книги – размышления о творческой интуиции. «Я уверен, что изучение пространственных стереотипов и тайны влияния их на принятие нами решений, а также раскрытие сложнейших механизмов их воздействия на человеческое сознание есть одно из интереснейших направлений исследований не только в архитектуре, но и во всей современной науке» (с. 44), – пишет Лежава, вспоминая очень к месту идею ноосферы Вернадского и предвосхищая усилия современной нейробиологии. Конечно, тайны творческой интуиции до конца не познаваемы, но

вот воздействие архитектуры на социум изучать можно, и это весьма полезно.

Очень перспективной представляется идея Лежавы, что городская среда ценится больше, чем отдельные памятники. Парадоксально звучит представление об архитектуре будущего: это те здания, которые не снесут и восстановят, если они будут утрачены, например, Московский Кремль, ансамбль Петергофа, павильон «Барселона» Миса ван дер Роэ, Нотр-Дам. В общем, идей множество. Книга увлекательна. Можно начинать с любого места, так как она хорошо структурирована, и перечитывать по нескольку раз. Хочется спорить с автором. Читателя ждёт интеллектуальное приключение, потому что вопрос «Что такое архитектура?» пока остаётся открытым.